

Свет свечей колыхался, угли в жаровне источали тепло, а на столе стояли простые домашние блюда, включая рыбный суп, приготовленный хозяином. Двор Гу Тиня был невелик, но уют ощущался в каждом уголке.

Глядя на сидящего напротив статного юношу, Хо Янь не смог сдержать лёгкого удивления:

— Никогда не думал, что наш первый совместный ужин будет таким.

Гу Тин приподнял бровь:

— Разочаровался? Что ж, у меня дома простая пища, вряд ли она придётся по вкусу князю.

Хо Янь, не церемонясь, взял палочками кусочек рыбы:

— Ты же всегда знал, что я люблю.

Гу Тин чуть не поперхнулся.

Кто знал?! Мы виделись всего раз, не говори так двусмысленно! Да и в тот день ты ту рыбу так и не съел!

Чувствуя, что разговор с этим человеком всегда заходит в странные дебри, Гу Тин сменил тему:

— Ты и Мэн Цэ давно знакомы?

Хо Янь посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

Гу Тин тут же отвернулся:

— Ничего особенного, просто спросил. Вы выглядите так, будто хорошо знакомы, понимаете друг друга с полуслова.

Хо Янь, смакуя попавшую в рот рыбу — нежную, тающую, с долгим послевкусием, — лишь спустя время ответил:

— Мы с Мэн Цэ знакомы больше десяти лет, подружились ещё в юности.

Прикинув в уме возраст и боевые заслуги обоих, Гу Тин представил себе ту картину: юноши, полные отваги и пыла, знакомятся...

— Вместе дрались, вместе попадали в переделки?

— Угу.

Уголки губ Хо Яня дрогнули, в глазах на мгновение мелькнула теплота, но она тут же погасла, сменившись тенью:

— Шесть лет назад я думал, что он придёт ко мне. И ждал. Но так и не дождался.

Вспомнив, как они дрались и что говорили друг другу, Гу Тин положил палочки:

— Шесть лет назад... ты просил его о помощи?

Выражение лица Хо Яня оставалось спокойным, он поднёс к губам чашку с супом:

— По юношеской горячности мы с ним когда-то собирались стать названными братьями, договорились пройти бок о бок всю жизнь: кто умрёт первым, другой позаботится о его семье. Шесть лет назад, во время большой битвы, я был на восточном фронте, но оставил верных слуг здесь. Когда они столкнулись с неодолимой опасностью, я отправил ему письмо с просьбой о помощи. Он не пришёл.

Лёгкий ветерок всколыхнул воздух, пламя свечи дрогнуло, выбросив крошечную искорку. Маленькую, но яркую, достаточно острой, чтобы уколоть глаза.

Гу Тин осторожно спросил:

— Насколько я могу судить, Мэн Цэ не похож на бессердечного человека. Может, у него были причины?

Хо Янь поставил чашку:

— В то время его брат был болен.

Гу Тин:

— Мэн Чжэнь?

Хо Янь кивнул:

— Ему тогда было всего десять лет, он и так был слаб здоровьем, а тут ещё подхватил лютую простуду — жизнь висела на волоске.

Гу Тин всё понял:

— Так что Мэн Цэ не смог прийти на помощь из-за болезни брата?

Хо Янь, глядя на суп в чашке, ничего не ответил.

Гу Тин:

— Это и вправду печально...

За окном непрерывно падал снег, шурша, ложась на карнизы и на сердца людей. Некоторые вещи, даже будучи далёкими, от этого не становятся менее ощутимыми.

Даже сейчас, будучи посторонним наблюдателем, он не мог понять, что чувствует, что уж говорить о тех, кто пережил это тогда.

— Ты не держишь на него зла? — тихо спросил он Хо Яня.

Хо Янь поднял глаза:

— Он больше держит зла на себя.

Гу Тин понял:

— Поэтому ты так говорил во время драки.

— Мэн Цэ прав: не сумеет защитить семью — собственная неудача. Моему дому Хо суждено

было пройти через это испытание, и винить тут некого. Если я хочу корить Мэн Цэ за то, что не пришёл на помощь, сначала должен корить себя за собственную слабость. — Голос Хо Яня понизился. — Никто мне ничего не должен. Помощь — дело доброй воли, а не обязанность. В поступке Мэн Цэ нет ничего предосудительного. Но он сам никак не может с этим смириться, и мне от этого только сложнее.

Гу Тин спросил очень осторожно:

— Ты не сердись на него? Совсем?

Хо Янь покачал головой, взгляд его был глубок:

— Нет. Я защищал то, что должен был защищать, он защищал того, кого хотел защитить. У каждого в сердце свой порядок приоритетов, никто не выше и не ниже другого. Этого не изменить силой.

Гу Тин:

— Но?

— Но мы всё же выросли. Нельзя уже, как в юности, бросаться очертя голову во всё подряд.

Хо Янь опрокинул чашу вина.

Больше он ничего не сказал, но Гу Тин почувствовал глубокую горечь и сожаление. Хо Янь — яростный и доблестный, прекрасный, как небожитель; Мэн Цэ — проникательный и расчётливый, с дальним прицелом. Их юность, должно быть, была полна ярких одежд и быстрых коней, отважных поступков и скорой расплаты — такой, о какой все мечтают. Жаль, что к сегодняшнему дню они дошло до перекрещивания клинков и язвительных слов. Время полностью изменило картину.

Он хотел утешить Хо Яня, но не знал как. Взросление и само по себе жестоко: познаёшь превратности мира, коварство людских сердец, сталкиваешься с предательством и ударами в спину. Приходится стиснув зубы всё это глотать, отряхиваться и делать вид, будто ничего не случилось, и идти дальше.

Все проходят через это: медленно взрослеют, шлифуют себя, закаляют, становятся несокрушимыми, обретают свои принципы и стойкость. Но Хо Янь был другим. У него не было времени на постепенность — все невзгоды обрушились на него разом, заставляя принять, заставляя проглотить, не оставляя права на ропот.

Гу Тин вдруг подумал: вот если бы он был постарше... Если бы был ровесником Хо Яня, если бы посчастливилось встретить его тогда... Он бы обязательно поддерживал его, прошёл бы с ним через те трудные годы.

— Что это за взгляд? — вдруг спросил Хо Янь.

Пойманный на месте, Гу Тин смутился, но, решив не терять лица, нахмурился в ответ:

— А что, на тебя посмотреть нельзя?

Уголки глаз Хо Яня смягчились, в них мелькнула теплота:

— Можно. Смотри сколько хочешь. Дай руку.

— Что?

Гу Тин протянул руку, и на его ладонь тут же положили какую-то вещицу — маленькую, изящную, чуть тёплую на ощупь. То был нефритовый свисток.

Хо Янь:

— Тебе.

— А?

— Свистни в него — если я буду поблизости, приду. Если попадёшь в беду — с ним сможешь постучаться в резиденцию князя — Стража Севера, найди управляющего, он тебе поверит.

Крошечный нефритовый свисток лежал у него на ладони, мягко поблёскивая. Гу Тин опешил:

— Такую важную вещь... просто отдаёшь мне?

Уголки глаз Хо Яня дрогнули:

— Даже если не захочешь видеть меня, наверняка заскучаешь по Цветочку. Но пока я здесь, он, пожалуй, не понадобится. Когда меня не будет — если захочешь повидать Цветочка, приходи в любое время.

Гу Тин опустил глаза:

— Когда ты его приготовил?

Хо Янь:

— Перед тем как прийти к тебе.

Перед тем как прийти к нему... Они, кажется, тогда ещё пребывали в холодной войне? Хо Янь уже тогда был уверен, что сможет вручить ему эту вещь? Да и свисток был тёплым...

— Ты проносил его с собой, пока дрался?

Гу Тин вспомнил, и ему стало жаль. Свисток выглядел дорогим, с тончайшей резьбой, напоминая миниатюрный бамбук — живой и прелестный. Что, если бы он разбился?

Лицо Хо Яня мгновенно потемнело:

— Кто ж знал, что этот Мэн явится именно в этот момент.

Гу Тин, вертя в пальцах маленький свисток, спросил:

— Почему бамбук?

Хо Янь прикрыл рот кулаком и слегка кашлянул:

— Подумал, тебе понравится.

Гу Тин: ...

Хо Янь:

— Нравится?

Гу Тин:

— Нравится... пожалуй.

Ужин подошёл к концу. Хо Янь встал, положил большую ладонь на голову Гу Тиня:

— Лади с Мэн Чжэнем, он простой парень, не причинит тебе зла.

— Угу.

— Пошёл, — Хо Янь широкими шагами направился к выходу, взмахнув на прощание длинной рукой. — Пока я здесь, все чувствуют себя не в своей тарелке. Когда будет время — приходи ко мне, посмотреть на Цветочка.

— Я тебя провожу.

...

Проводив Хо Яня и вернувшись под навес галереи, Гу Тин увидел Мэн Цэ. Тот стоял, прислонившись к перилам, с кувшином вина в руке, и смотрел на цветущую в глубине двора старую сливу.

Гу Тин подошёл:

— У вас с братом вкусы схожи. Мэн Чжэнь тоже любит это красное сливовое дерево. — И ещё плакал под ним украдкой.

Мэн Цэ, заметив его, покачал кувшином:

— Выпьешь?

— С удовольствием. — Гу Тин подошёл, взял со столика винную чашу и позволил Мэн Цэ налить. — А Мэн Чжэнь где?

— Спит. Наверное, сегодня устал, спит очень крепко. — Налив вина, Мэн Цэ взглянул на Гу Тиня, и взгляд его стал мягким и тёплым. — Братец мой милый, правда?

Гу Тин кивнул:

— Угу, такого и баловать хочется.

Брови Мэн Цэ расправились, на лице появилось что-то вроде горделивой усмешки:

— Видишь? Спасибо, что присматривал за ним. Эту чашу — тебе.

Он опрокинул чашу и осушил её одним глотком.

Гу Тин на мгновение застыл. Вид у Мэн Цэ был совсем не такой, как днём. Черты лица те же, но вместо дневной холодной свирепости теперь в уголках его глаз и губ таилась мягкая нежность, и он даже хвастался братом перед другими. Не увидь он это своими глазами, ни за что не поверил бы, что это один и тот же человек.

Видя, что собеседник настроен открыто, Гу Тин тоже отбросил сомнения:

— Кажется, в том, что Мэн Чжэнь попал в беду, замешан один из его самых доверенных охранников... Князь в курсе?

<http://bllate.org/book/16279/1466103>